

Ю.В. Лебедев

«Элегия»

Народная жизнь в лирике Некрасова 70-х годов изображается по-новому. Если ранее поэт подходил к народу максимально близко, схватывая всю пестроту, все многообразие неповторимых народных характеров, то теперь крестьянский мир в его лирике предстает в предельно обобщенном виде. Такова, например, его «Элегия», обращенная к юношам:

Пускай нам говорит изменчивая мода,
Что тема старая «страдания народа»
И что поэзия забыть ее должна,
Не верьте, юноши! не стареет она.

Вступительные строки — полемическая отповедь Некрасова распространявшимся в 70-е годы официальным воззрениям, утверждавшим, что реформа 1861 окончательно решила крестьянский вопрос и направила народную жизнь по пути процветания и свободы. Такая оценка реформы проникала, конечно, и в гимназии. Молодому поколению внушалась мысль, что в настоящее время тема народных страданий себя изжила. И если гимназист читал пушкинскую «Деревню», обличительные ее строки относились в его сознании к отдаленному дореформенному прошлому и никак не связывались с современностью. Некрасов решительно разрушает в «Элегии» такой «безоблачный» взгляд на судьбу крестьянства:

...Увы! пока народы
Влачатся в нищете, покорствуя бичам,
Как тощие стада по скошенным лугам,
Оплакивать их рок, служить им будет Муза...

Воскрешая в «Элегии» поэтический мир «Деревни», Некрасов придает и своим, и старым пушкинским стихам непреходящий, вечно живой и актуальный смысл. Опираясь на обобщенные пушкинские образы, Некрасов уходит в «Элегии» от бытовых описаний, от конкретных, детализированных фактов и картин народного горя и нищеты. Цель его стихов другая: ему важно сейчас доказать правоту самого обращения поэта к этой вечной теме. И старая, архаизированная, но освященная самим Пушкиным форма соответствует этой высокой задаче.

Дух Пушкина витает над некрасовской «Элегией» и далее. «Самые задушевные и любимые» стихи поэта — поэтическое завещание, некрасовский вариант «Памятника»:

Я лиру посвятил народу своему.
Быть может, я умру неведомый ему,
Но я ему служил — и сердцем я спокоен...

Разве не напоминают эти стихи другие, которые у каждого русского человека буквально на слуху?

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал...

Авторитет Пушкина нужен Некрасову для укрепления собственной поэтической позиции, включенной в мощную русскую традицию, в связь времен. Отголоски пушкинского стихотворения о драматизме судьбы поэта слышатся и в финале «Элегии». У Пушкина в стихотворении «Эхо»:

Ты внемлешь грохоту громов,
И гласу бури и валов,
И крику сельских пастухов —

И шлешь ответ:
Тебе ж нет отзыва... таков
И ты, поэт!

И у Некрасова:

И лес откликнулся... Природа внемлет мне,
Но тот, о ком пою в вечерней тишине,
Кому посвящены мечтания поэта, —
Увы! не внемлет он — и не дает ответа...

В контексте пушкинских стихов смягчается, обретая предельно широкий, вечный смысл, мучительно переживаемый поздним Некрасовым вопрос-сомнение: откликнется ли народ на его голос, внесет ли его поэзия перемены в народную жизнь? Авторитет Пушкина вызывает к терпению и не гасит надежды.

Таким образом, в «Элегии» Некрасов осваивает поэтический опыт как раннего, так и позднего, зрелого Пушкина. В то же время он остается самим собой. Если Пушкин мечтал увидеть «рабство, падшее по манию царя», то Некрасов это уже увидел, но вопросы, поставленные юным Пушкиным в «Деревне», не получили разрешения в результате реформ «сверху» и вернулись в русскую жизнь в несколько ином виде: «Народ освобожден, но счастлив ли народ?»